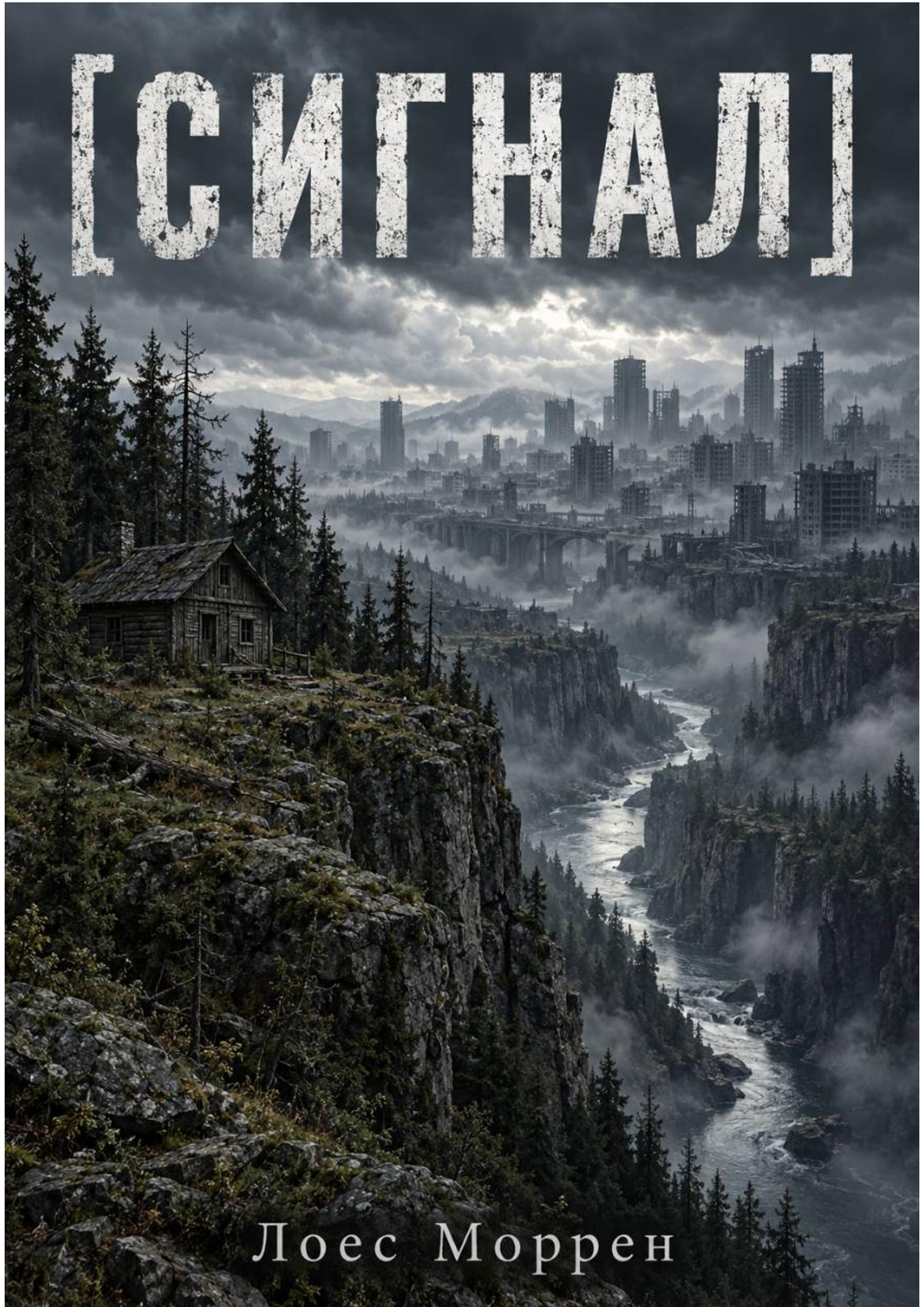

[СИГНАЛ]

The image is a full-page background illustration. It depicts a small, weathered wooden cabin with a chimney, situated on a rugged, mossy rock outcrop. The cabin is surrounded by dark evergreen trees. In the background, a wide river flows through a deep canyon, with mist or smoke rising from its banks. In the distance, a city skyline with several tall, modern skyscrapers is visible under a heavy, dark, and cloudy sky. The overall mood is somber and atmospheric.

Лоес Моррен

Лоес Моррен
[СИГНАЛ]

«Автор»

2026

Моррен Л.

[СИГНАЛ] / Л. Моррен — «Автор», 2026

Семь лет назад из космоса пришёл сигнал. Электричество исчезло, машины остановились, а небо затянули тучи. Теперь за горсть еды убивают, и человек у дороги может оказаться опаснее голода. Бывший военный Виктор пережил гибель жены и дочери, отомстил за них и ушёл в лес. Там он умеет выживать. Там никто не спрашивает о прошлом и не ждёт от него нежности, но однажды он спасает девочку. Вайолет боится чужих рук, прячет еду и не знает мира, в котором детям можно доверять взрослым. Виктор даёт ей кров и вещи погибшей дочери. Только накормить ребёнка проще, чем стать человеком, рядом с которым она перестанет бояться. Когда лес больше не может их прокормить, они отправляются искать убежище на востоке, который контролируют люди в форме. Виктору всё труднее скрывать приступы болезни, а за обещанную безопасность военные требуют услугу: возглавить отряд, идущий туда, откуда люди возвращаются обезумевшими.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лоес Моррен [СИГНАЛ]

Глава 1

Небо лежало над лесом низко и неподвижно, цвета грязного олова. К полудню в тучах открывались светлые пятна, и тогда можно было различить дальний склон и собственные пальцы. Виктор называл это днём, хотя прежде такой свет означал только приближение дождя.

Семь лет назад, в августе, погасло электричество. Тучи пришли спустя полгода, когда люди ещё ждали, что кто-нибудь разберётся с проводами, починит станции и вернёт свет в дома. Они ждали даже после того, как в магазинах стало нечего брать и пришлось выламывать двери складов.

Виктор проснулся в темноте и некоторое время лежал, слушая дом. За стеной шумела река, в камине осыпался уголь, а под крышей скреблась мышь, до которой он пока не добрался. Он повернул голову, и в левом виске отозвалась боль, тупая и знакомая, как давление пальца на старый ушиб.

Он сел на край топчана, упёрся локтями в колени и дождался, когда перестанет мутить. Потом размял шею и плечи, слушая сухой хруст суставов, натянул штаны и сунул ноги в ботинки. Тело продолжало выполнять приказ подъёма раньше, чем он успевал решить, стоит ли вообще вставать.

На крюке висела куртка, под ней — выцветшая кепка с треснувшим козырьком. Виктор оделся, проверил нож на поясе и приподнял засов, придерживая его второй рукой, чтобы дерево не ударило о скобу. Снаружи потянуло холодом и мокрой хвоей.

Дом стоял на холме, среди сосен и елей, в стороне от тропы. Низкую крышу закрывали ветви, труба сливалась с серыми стволами. Виктор нашёл хижину во вторую неделю после ухода из города, когда уже искал место, где никто его не найдёт. За прошедшие годы он залатал крышу и укрепил ставни, чтобы дом держал холод и чужой удар.

В тридцати метрах за домом земля обрывалась в каньон. Внизу билась о камни горная река, белая на перекатах, и её шум доходил до хижины даже сквозь закрытые ставни. По бокам холм прикрывали ольшаник и густые заросли малины, переплетённые с поваленными деревьями.

Он спустился к ручью и перешёл его по выступавшим из воды камням. На одном подошва скользнула, но он удержался, ухватившись за тонкую ольху, и постоял, пока боль в голове не вернулась к обычному глухому нытью. Дальше начиналась звериная тропа, где он поставил три силка.

В первом силке бился кролик, волоча задние лапы по размокшей земле. Виктор опустился на колено и быстро закончил дело, потом снял петлю и расправил проволоку. Второй силка был пуст, а возле третьего трава лежала примятой широким кругом. Там висел ещё один кролик, поменьше, уже неподвижный, с белёсой шерстью на животе.

Он ощупал обе тушки большим пальцем, проверяя, сколько мяса осталось на костях. Под мокрой шкурой выступали рёбра, и живот был впалым даже у того, что покрупнее. Когда-то таких животных он бы не взял и наверняка нашёл бы объяснение своей разборчивости.

— Ну вот, — сказал он, продевая шнур под задние лапы. — Один на обед, другой на ужин. До запаса вы не доросли, ребята.

За домом находились четыре грядки, обложенные камнями, и загон из досок и ржавой проволоки. В нём жили четыре курицы и петух, рыжий, с чёрными перьями в хвосте, которые

даже в этом свете отливали зеленью. При виде Виктора петух вытянул шею и побежал вдоль ограды, поднимая лапы над мокрой землёй.

— Спокойно, Командир, свои, — сказал он, присев возле сетки. — Пока вас не ем, так что можешь не поднимать тревогу. Ты лучше своим объясни, что за постой пора платить.

Куры сгрудились под навесом и смотрели на него круглыми неподвижными глазами. Он откинул крышку над гнёздами и нашёл два яйца, по одному в каждом углублении из сухой травы. Скорлупа ещё хранила тепло, и он немного подержал яйца в ладонях, прежде чем спрятать их в карман.

В последнее время яйца появлялись редко. Не хватало света и зерна, а одной варёной картошкой птицу было не прокормить, сколько ни добавляй травы и кухонных остатков. Иногда Виктору удавалось выменять пригоршню кормового зерна, и тогда он расходовал его понемногу, отмеряя старой ложкой.

Сарай он собрал из досок, снятых с заброшенного дома. Внутри держалась прохлада, а в ящике, переложённом мхом, хранились картошка, морковь, лук и несколько стручков перца. Он выбрал овощи для рагу и закрыл разбухшую дверь ударом плеча.

На несколько шагов ему показалось, что он идёт домой обычным утром. Мэри обернётся от плиты, а Дакота обхватит его за ногу, мешая пройти, и попросит взять её на руки. Он моргнул, и перед ним опять были закрытая дверь и пустое крыльцо.

Со стороны тропы донёсся металлический звон, три коротких удара. Под кустами была натянута бечёвка, соединённая с пустыми жестянками, и кто-то задел её. Виктор замер и прислушался, удерживая овощи у груди.

Он положил овощи и кроликов на землю, а яйца переложил в снятую кепку. Из дома взял винтовку, трофейный полуавтомат с магазином на десять патронов. Проверил магазин, дослал патрон и пошёл вниз, не задевая стволом веток.

Через несколько шагов он перешёл на бег. На склоне приходилось ставить ноги боком, обходя камни, и он делал это, не глядя вниз, потому что знал каждую неровность. Возле тропы остановился за толстой сосной, перевёл дыхание и выждал.

Их было шестеро, если не считать ребёнка. Грязные люди в лохмотьях двигались гуськом, неся топоры, ножи, дубины и заточенные железки. Виктор осмотрел руки, ремни и свёртки за плечами, но огнестрельного оружия не увидел.

Ветер принёс запах немытой кожи и испорченного жира, знакомый по городским подвалам. Среди мужчин шла девочка лет восьми, худая, с посиневшими пальцами. На левом запястье была верёвка, которую держал мужчина с топором за поясом.

Она старалась не отставать, но обрывки ботинок цеплялись за землю. Мужчина дёргал верёвку, заставляя её прибавить шаг. Виктору не понадобилось долго гадать, зачем они тащат ребёнка туда, где никто уже не покупал пленников.

В висок ударила боль, острая, до белой полосы перед глазами. Он прижал ладонь к голове и переждал, наклонившись к стволу, пока лица на тропе снова не обрели чёткие края. В такие минуты его пугало только одно: что однажды он не сможет удержать оружие. Сейчас пальцы слушались, и он шагнул из-за сосны.

— Стоять, — сказал он, направив ствол на первого. — Это моя тропа. Кто вас сюда пустил?

Люди остановились, натываясь друг на друга. Один, широкошей, начал снимать с плеча топор, но шедший впереди резко обернулся и схватил его за локоть. Виктор узнал главаря, которого в городе называли Мясником, и отвёл прицел от его лица к груди.

— Балор, не надо, — сказал он. — Мы идём, куда велено, и твоё место не трогаем. Грязнолицый помнит про плату, у нас с собой спички и керосин, всё отдадим, только опусти ствол.

— Девочку оставьте, — сказал Виктор. Он произнёс это негромко и дождался, когда Мясник перестанет двигать губами. — Верёвку снимите и отойдите от неё.

— Ты чего, Балор, — сказал он. — Нам ещё до зимы дотянуть надо, а внизу уже и крыс нет. Это наш запас, мы за него сами заплатили.

Виктор почувствовал, как напряглись челюсти. Его не удивили слова, но то, насколько спокойно Мясник их произнёс, оказалось хуже самих слов. Мужчина с верёвкой отступил, потянув девочку за собой, и положил свободную руку на рукоять топора. Виктор перевёл ствол и выстрелил ему в бедро.

Выстрел прокатился по склону, отразился от каменной стены и ушёл за деревья. Мужчина упал на бок, выпустил верёвку и обеими руками вцепился в ногу. Между пальцами быстро проступила кровь, и он начал кричать, задирая голову так, что стали видны гнилые зубы.

— Успеете донести живым, — сказал Виктор, не меняя положения винтовки. — Вот вам запас. Теперь отвяжите ребёнка.

Мясник кивнул стоявшему рядом, и тот присел перед девочкой. Узел не поддавался дрожащим пальцам, пришлось разрезать верёвку ножом. Когда она упала, девочка оставила руку в прежнем положении, будто всё ещё была привязана.

— Поднимайте его, — сказал Виктор, кивнув на раненого. — И идите обратно, пока я даю уйти. Спички с керосином заберите.

Двое взяли раненого под мышки, третий подхватил за здоровую ногу. Тот закричал ещё громче, и Мясник велел ему заткнуться, но велел слабым голосом, без прежней уверенности. Они попятились, разворачиваясь на узкой тропе, и Виктор всё время держал их перед собой.

— Грязнолицему передай, — сказал Виктор, когда Мясник сделал первый шаг. — Я знаю, где вы ночуете, и если придёте сюда ещё раз, пойду туда сам. Ночью.

За поворотом широкошей догнал Мясника и ухватил его за рукав. Они отстали от раненого на несколько шагов, и теперь тот кричал впереди, среди деревьев. Широкошей дышал ртом, пытаясь говорить тише.

— Шестеро нас, — сказал он. — Один он там, ты видел. Можно было с двух сторон зайти.

— Про торговый центр слышал? — спросил он. — Про краснолицых, которые там сидели? Они тоже думали, что их много.

— Они в его дом залезли, пока его не было, — сказал Мясник. — Жену забрали и маленькую, дочь его, а он нашёл, куда они ушли. В торговый центр вошёл один и вышел один, и после того дня краснолицых никто не видел.

— Поэтому ногами работай, — бросил он через плечо. — И рот держи закрытым. Пока он не решил, что передумал.

Виктор дождался, когда затихнут шаги и крик. Ещё минуту стоял неподвижно, прислушиваясь к тропе, и лишь потом опустил винтовку. На земле осталось тёмное пятно, рядом лежал обрезок верёвки.

Вблизи она оказалась ещё меньше. Тёмные волосы сбились в колтуны до плеч, под глазами лежали серые тени, а губы потрескались так, что кровь засохла в уголках рта. Из разошедшегося ботинка выглядывал носок, почерневший от воды и земли.

Он присел, положил винтовку поперёк колен и перевернул свободную ладонь вверх. Пальцы были грязными, на костяшках белели старые рубцы, и он вдруг подумал, что показывать такую руку ребёнку — сомнительное утешение. Но другой у него не было.

— Меня Виктор зовут, — сказал он. — Можешь так и звать, без этого их Балора. А тебя как?

Она посмотрела за его плечо и метнулась в чащу. На третьем шаге зацепилась за корень, и Виктор поймал её за предплечье, не дав упасть. Она стала вырываться, молча, с неожиданной для такого тела силой.

— Стой, — сказал он, отводя её руку от дерева. — Там обрыв, слышишь? Отпусти рукав, я тебе ничего не сделаю.

Она ударила его пяткой по голени и попыталась укусить через ткань. Виктор не отпустил, хотя понимал, что его слова сейчас значат не больше, чем слова тех, кто вёл её на верёвке. У него не хватило терпения на уговоры, да и оставаться на тропе после выстрела было нельзя. Он поднял её, перекинул через плечо и пошёл к дому, придерживая так, чтобы голова не билась о винтовку.

Девочка сопротивлялась всю дорогу, колотила его по спине и дёргала ногами. Он прошёл триста метров вверх по склону, а боль в виске уже отдавала в зубы. На крыльце поставил её и постоял согнувшись, удерживая ладонь на плече.

Она снова повернулась к лесу, но он загородил проход. Потом открыл дверь и завёл её внутрь, стараясь не толкать сильнее, чем необходимо. В доме пахло золой, сырой древесиной и вчерашней едой.

В комнате были каменный камин, стол у окна, две табуретки и топчан под армейским одеялом. На полках стояли жестянки, фляги, мотки бечёвки и ящик с остатками лекарств. Возле двери висел фонарь, бесполезный с того дня, когда погасло электричество, и Виктор выдвинул для девочки табуретку.

Она забралась на неё с ногами, подтянула колени и вжалась спиной в стену. Виктор закрыл дверь, но засов трогать не стал. Ребёнок следил за ним, и он отвёл руку от скобы, будто был пойман на чём-то, что сам не собирался делать.

В чугунном котелке оставалось рагу из вчерашней крольчатины, картошки и корней. Он разгрёб угли, подложил сухих щепок и дождался, пока по дну снова пойдут мелкие пузырьки. Потом налил в две миски, поставил одну перед девочкой и сел на другую табуретку.

Пар поднимался над жирной поверхностью и оседал на холодной стене. Виктор зачерпнул немного, подул и съел, не торопясь глотать. Он хотел, чтобы девочка видела, что еда у них одна и та же.

— Кролик, — сказал он, показав ложкой на миску. — Картошка тоже моя, с огорода. Есть можно, я сам ем.

— Почему не ешь? — спросил он и сразу услышал в своём голосе нетерпение. Он положил ложку, вытер пальцы о колено и добавил тише: — Сказать не можешь?

Она медленно опустила колени и открыла рот. Виктор наклонился, а она отшатнулась, так что он остановился и дождался, пока снова повернётся к нему. На языке была глубокая рваная рана, распушшая, с тёмной полосой запёкшейся крови.

— Прикусила, — сказал он. Девочка закрыла рот и один раз кивнула, не отрывая от него глаз. — Ладно, говорить пока не надо, я понял.

Он подошёл к ящику с лекарствами и стал перебирать коробки. Два свёртка бинта ещё были сухими, в бутылочке йода оставалось немного жидкости, а перепись почти вся вытекла или испарилась. Нашлись несколько обезболивающих таблеток и пустая упаковка амоксициллина, которую он зачем-то сохранил.

Чистая вода и соль у него были. Но ребёнок был истощён, а язык распух, и Виктор боялся, что начинается воспаление. В лесу оставался только один человек, у которого ещё можно было достать лекарства.

Он сжал пустую коробку, и картон хрустнул. Рука сама поднялась к стене, но за спиной поскребли ножки табуретки, и Виктор обернулся. Девочка вжалась в угол, закрыв подбородок коленями, и смотрела уже не на дверь, а на его кулак. Он медленно разжал пальцы и положил смятую коробку обратно в ящик.

— За лекарством схожу, — сказал он. — Здесь оставайся, я скоро вернусь. Воду поставлю рядом, захочешь — пей.

Он налил остывшей кипячёной воды в кружку и придвинул её к миске. Дверь оставил незапертой, хотя мысль об этом неприятно тянула под рёбрами. Он не знал, убежит ли девочка,

и не хотел снова тащить её через лес, если она решит, что лучше умереть там, чем остаться у него.

Кролики, овощи и кепка лежали там, где он бросил их утром. Виктор подобрал яйца, завернул каждое в кусок мягкой ткани и убрал в нагрудные карманы, по одному с каждой стороны. Овощи отнёс в сарай, кроликов быстро выпотрошил и повесил под навесом, а потроха бросил в загон.

Тропа к Мафусаилу пересекала ельник, спускалась в ложбину и оттуда поднималась к старой рейнджерской вышке. Весной в ложбине стояла вода, теперь оставались только влажные листья и тёмные следы звериных лап. Виктор знал, где надо переступить через корень, а где пригнуться под поваленной елью.

Мафусаил жил в лесу задолго до Сигнала, и Виктор не знал, сколько именно лет. У старика были белая борода до груди, пятнистые руки и привычка не торопить собеседника. Рядом с ним не приходилось объяснять молчание, и иногда Виктор приходил только ради этого.

Вышка стояла на каменном выступе над ложбиной. Её деревянные опоры потемнели, лестница была сращена из досок разной ширины, а нижнюю часть старик поднимал на верёвке, когда оставался наверху. С площадки были видны верхушки деревьев и дальние склоны, но снизу будка казалась пустой.

Первый раз он оказался здесь вскоре после ухода из города, ещё до того, как нашёл хижину. Услышал рёв и пошёл на звук. Между камнями стоял медведь, а у подножия вышки сидел старик, прижавший к груди корзину грибов.

Виктор крикнул, и медведь двинулся на него, опустив голову. Он выстрелил, когда зверь подошёл совсем близко. Медведь заревел и ушёл между деревьев, а старик остался сидеть, всё ещё удерживая корзину.

— Я уж подумал, всё, — сказал он тогда, глядя на Виктора. — Даже корзинку пожалел, дурень старый. Грибы хорошие, только нашёл.

Виктор опустил ствол и посмотрел на короткую палку возле старика. Тот проследил за его взглядом и покачал головой, словно только сейчас заметил, с чем собирался встретить медведя. Руки у него всё ещё дрожали, а корзину он держал прижатой к груди.

— В следующий раз бери подлиннее, — сказал Виктор. — А лучше вообще не жди, пока он подойдёт. Грибы без тебя как-нибудь постоят.

Старик засмеялся, кашляя и хватаясь за колени. Виктор тоже усмехнулся, чувствуя, как давно не двигал так лицом. Они пошли к вышке, где Мафусаил налил ему чай и не спросил, почему у него на рукаве чужая кровь.

Позже они стали ходить друг к другу. Старик показывал, какие корни можно есть и где искать грибы, если возле привычного места больше ничего не выросло. Виктор чинил ему крепления лестницы, приносил проволоку и иногда рассказывал о местах, где служил, не доходя до того, что происходило там с людьми.

Под вышкой он остановился и поднял голову. Нижняя лестница была втянута наверх, в будке не видно было ни света, ни движения. Виктор позвал старика и выждал, считая удары собственного сердца.

— Мафусаил, это я, — сказал он. — Виктор. Опусть лестницу, дело есть.

В стене приоткрылось маленькое смотровое окно. Показался один водянистый глаз, некоторое время разглядывавший Виктора сверху вниз, после чего створка закрылась. Застонал блок, и нижняя часть лестницы медленно пошла к земле.

Мафусаил вышел на площадку в старом ватнике, слишком широком в плечах. В руке у него был короткий железный прут, который он поставил у стены, узнав гостя. Борода спуталась под воротником, а на щеке осталась глубокая полоса от складки ткани.

— Чего кричишь, слышу я, — сказал он. — Пока встанешь, пока доберёшься, это тебе не тридцать лет. Поднимайся, чайник ещё тёплый.

— Я по делу, — сказал он, снимая кепку. Мафусаил уже отодвинул для него табуретку и потянулся к чайнику. — Мне бы быстро, не задерживаться.

— Тогда садись быстро, — ответил старик. Он подбросил в железную печку две тонкие ветки и поправил крышку чайника. — Стоя дело лучше не сделается, а я всё равно не тороплюсь.

Наверху пахло дымом и сушёными грибами. Под потолком висели пучки трав, возле печки сушились носки, а на столе лежала миска ягод, из которой Мафусаил машинально выбрал одну. Виктор поставил винтовку у стены и подошёл к столу, отполированному локтями по обоим краям.

Виктор сел и расстегнул нагрудные карманы. Развернул ткань, положил на стол два яйца и подвинул их к старику. Мафусаил взял одно, посмотрел на просвет, хотя ничего увидеть не мог, и осторожно вернул на место.

— Сегодняшние, — сказал Виктор. — Оба, только утром взял. Антибиотики у тебя остались?

— Для кого? — спросил Мафусаил. — Ты опять что-нибудь себе распорол? Или с головой хуже стало?

— С головой всё как было, — ответил Виктор. Он провёл большим пальцем по шву на штанине и заставил себя остановиться. — Не для меня лекарство, другому нужно.

Мафусаил не стал сразу отвечать. Однажды Виктор упал здесь, возле печки, и старик держал его за плечи, пока тот лежал на полу, закрыв ладонью висок. После приступа Виктор рассказал про опухоль, обнаруженную незадолго до Сигнала, и про обследование, на которое уже не успел попасть.

Мафусаил поднялся и подошёл к полке. Переставил несколько жестянок, вынул из глубины белую коробку и некоторое время разглядывал надпись на ней. Внутри лежали два блистера по десять капсул.

— Амоксициллин, — сказал он. — Последний у меня, для себя держал. Старый совсем, Виктор, я за него ничего обещать не могу.

Виктор потянулся к коробке, но старик не сразу отпустил её. Их пальцы встретились на выцветшем картоне, и Виктор убрал руку первым. Мафусаил налил чай в две кружки и придвинул одну гостю, оставив лекарство возле себя.

— Ты ведь понимаешь, — сказал старик, глядя в свою кружку. — Твоё этим не лечат. Не хочу, чтобы ты понёс их домой и решил, будто я нашёл для тебя выход.

— Знаю я, — сказал он. — Для другого беру, тебе уже сказал. Если мне ещё что-нибудь и поможет, то точно не эта коробка.

Мафусаил посмотрел на него поверх кружки. Потом опустил взгляд на два яйца, завернутые отдельно, чтобы ни одно не разбилось по дороге. Он поставил коробку ближе к Виктору и больше не удерживал её.

— Бери, — сказал он. — Только коробку не выбрасывай, там бумажка осталась. Я кое-что ещё разбираю, а ты глазами получше меня.

Виктор убрал лекарство в карман и сделал несколько глотков. Чай обжигал губы, но он пил, потому что уйти сразу теперь казалось неправильным. Мафусаил взял одно яйцо, а второе завернул в прежнюю ткань и подтолкнул обратно.

— Одного хватит, — сказал старик прежде, чем он успел открыть рот. — Я один живу, куда мне столько. А у тебя пусть будет.

Виктор не стал спрашивать, что тот понял. Убрал яйцо в карман, допил чай и поднялся, придерживая край стола. Мафусаил остался сидеть и водил пальцем по тёплой скорлупе.

— Спасибо, — сказал он уже возле двери. — За коробку и за это. Я зайду ещё.

— Вот и заходи, — ответил Мафусаил. — А то я тут с воронами разговариваю, уже отвечать начинают. Лестницу не дёргай, крайняя доска плохо держит.

Виктор спустился, обходя отмеченную ступень, и махнул снизу рукой. Обратно шёл быстрее, а где склон позволял, бежал, придерживая карман с яйцом. Он представлял открытую дверь и пустую табуретку, хотя не знал, почему девочка должна была ждать чужого человека.

Дорога заняла около двадцати минут. Поднявшись на холм, он остановился возле крыльца и прислушался к дому, но кроме реки ничего не было слышно. Винтовку держал в руке, пока не открыл дверь и не увидел ребёнка на прежнем месте.

Девочка сидела, прижавшись к стене. Рагу в миске остыло, на поверхности застыла тонкая плёнка жира, а кружка стояла там, где он её оставил. Она повернула голову на звук двери, и взгляд её задержался на его лице.

— Вернулся, — сказал он, положив лекарство на стол. — Как обещал. Теперь давай посмотрим, что у тебя там.

Он подогрел немного кипячёной воды и нашёл чистый кусок ткани. Поставил кружку рядом с девочкой, потом присел, чтобы не нависать над ней. Она посмотрела на его руки и открыла рот, уже без прежней долгой заминки.

— Сейчас неприятно будет, — предупредил он. — Если надо остановиться, рукой покажи. Только не дёргайся сразу, дай мне убрать пальцы.

Он осторожно очистил засохшую кровь возле губ, не трогая саму рану. Когда ткань коснулась трещины в уголке рта, девочка вздрогнула и вцепилась пальцами в край табуретки. Виктор остановился, дождался, пока она ослабит хватку, и дал ей кружку.

— Так и надо, — сказал он, убирая миску. — Ничего страшного. Всё, пока хватит.

— Молодец, — сказал он и удивился, как непривычно прозвучало слово. Девочка отпустила край табуретки, а он отвернулся, чтобы она перестала ждать нового прикосновения. Лекарство пока оставил закрытым: сперва надо было накормить её и прочитать уцелевший вкладыш.

Он вернул рагу в котелок, разогрел и долго разминал ложкой мясо и овощи. Убирал жёсткие волокна, выбирал мелкие косточки, проверяя каждую ложку на краю миски. Прежде себе он никогда так не готовил, потому что собственная еда должна была только утолять голод.

— Попробуй понемногу, — сказал он, поставив миску перед ней. — Горячее я остудил, жевать почти не надо. Не получится — ещё разомну.

Девочка опустила ноги на пол и взяла ложку правой рукой. На левом запястье темнела полоса от верёвки, и эту руку она держала у живота, не давая рукаву задеть содранную кожу. Первую ложку поднесла медленно, понюхала и только после этого открыла рот.

Виктор отошёл к камину и стал поправлять дрова, хотя они и так лежали как надо. Он слышал, как металл иногда касался края миски, и не оборачивался на этот звук. Ребёнок ел в доме, а он стоял в двух шагах и делал вид, что занят чем-то другим.

Она съела примерно половину. Потом отодвинула миску, положила ложку и осталась сидеть с закрытыми глазами, словно еда забрала последние силы. Виктор подождал, не станет ли ей плохо, и только тогда подошёл к топчану.

— Здесь ложись, — сказал он, показав на постель. — Я у огня устроюсь, места хватит. Ботинки можешь снять, куда сейчас идти не надо.

Она посмотрела на топчан, потом на него. Встала, опираясь на стол, и несколько секунд ждала, пока ноги удержат её без помощи рук. До постели дошла вдоль стены, медленно, не поворачиваясь к Виктору спиной.

Он хотел снять с неё ботинки, но не стал. Накрыв одеялом и отошёл, пока она смотрела на дверь из-под края ткани. Через несколько минут дыхание стало глубоким, и рука возле лица разжалась.

Во сне лицо разгладилось, и под грязью проступили длинные ресницы и маленький детский подбородок. Виктор слушал её дыхание, пока не заметил, что считает вдохи. Тогда отвернулся и вышел, придерживая ручку, чтобы она не щёлкнула.

Снаружи было холоднее. Кролики висели под навесом, и кровь под ними уже потемнела на земле. Он снял тушки, положил на разделочный пень и принялся за работу, стараясь держать руки занятыми.

Шкурки он очистил от остатков жира и растянул для просушки. Если удастся выделывать, пойдут на подкладку для рукавиц, а сейчас нельзя было оставлять их скомканными на земле. Мясо прикрыл чистой тканью и убрал в прохладу, оставив кости для бульона.

С края холма был виден город. В этот день облака немного разошлись по плотности, и проступили крыши, остовы обгоревших домов и неподвижные строительные краны. Кое-где поднимался тонкий дым, но отсюда нельзя было понять, жгут ли там дрова или горит то, чему давно следовало сгореть.

Мэри собирала тёмные волосы в хвост, а когда наклонялась над плитой, на шее становилась видна маленькая родинка. Дакоте было пять, и она дёргала воротник платья, если хотела, чтобы её взяли на руки, но стеснялась попросить при чужих. Виктор помнил эти мелочи лучше, чем последний разговор.

В тот вечер Мэри жарила картошку, а Дакота рисовала красным карандашом, стёртым почти до конца. Он сказал, что вернётся через час, и дочь не подняла головы, не видя причины ему не верить. Вернулся через три часа, и дверь была открыта.

Он закрыл глаза, но это не помогло. Тогда взял посудину с мясом и понёс её в сарай, сосредоточившись на том, чтобы не наступить в грязь возле порога. Потом вернулся за костями, проверил навес и переложил дрова, которые намочило с края.

Кур он накормил варёной картошкой, крошками и мелко порубленными съедобными остатками. Командир первым подошёл к кормушке и разогнал остальных, но Виктор рассыпал немного корма в другом углу, чтобы досталось и им. Он протянул руку, поправляя край сетки, и петух клюнул его в палец.

— Всё, договор кончился, — сказал Виктор, отдернув руку. — Завтра в суп пойдёшь первым. И чин свой с собой заберёшь.

Ближе к вечеру в гнезде нашлось ещё одно яйцо, маленькое, со светло-зелёной скорлупой. Он взял его и подержал на ладони, не сразу решив, куда убрать. Три яйца за день случались редко, а теперь вместе с возвращённым Мафусаилом у него осталось два.

Огород требовал воды, хотя земля сверху всё ещё выглядела сырой. От родника выше по склону Виктор проложил жёлоба из коры к бочкам, и вода текла сама, пока в желобах не застревали листья. Он прочистил один из них тонкой палкой, дождался ровной струйки и набрал ведро.

Он полил картошку, морковь и лук, стараясь не заливать листья. Кусты перца были низкими, с редкими плодами, и влажность возле них держалась дольше, так что туда он вылил совсем немного. Потом выдернул сорняки, выбил землю из корней и сложил их отдельно для кур.

Дрова колол возле пня, подальше от окна. Рукоять топора была обмотана берестой там, где раскололась древесина, и при каждом ударе он проверял хватку, чтобы ладонь не попала на острый край. Поленья раскладывал по толщине, щепки складывал в корзину, крупные куски относил под навес.

К тому времени облака потемнели настолько, что стало трудно различать щели между брёвнами. Ночь пришла без заката, просто стёрла дальние деревья, а потом приблизилась к самому крыльцу. Виктор убрал топор, обошёл дом и проверил, не провисла ли сигнальная бечёвка после утреннего прохода.

Девочка всё ещё спала. Он коснулся пальцами её лба, потом поставил возле постели воду. Листок из коробки прочитал при свете огня, не доверяя памяти там, где отвечал за ребёнка.

Дверь он закрыл на дубовый засов. Проверил скобы, нажал плечом на доски и прислушался, как держит крепление. Девочка не проснулась, но он всё равно постоял с рукой на дереве, вспоминая её взгляд на открытую дверь утром.

Огонь поднялся вдоль сухих поленьев и осветил топчан. Маленькая фигура под одеялом занимала место, которое вчера оставалось пустым. Виктор положил куртку возле постели, а своё армейское одеяло расстелил на полу, подальше от углей.

Он лёг на бок, лицом к огню. В виске стало тише, хотя он знал, что боль вернётся и не стала меньше от появления ребёнка. Он прислушался к реке, потом к её дыханию и остался слушать дыхание.

На утро оставались два яйца. Рагу можно было ещё раз размять, а из костей сварить бульон, если она опять не сможет глотать густое. Нужно было найти одежду поменьше, распороть одну из своих рубаш и сделать что-нибудь для её ног.

Имени её он так и не узнал, но завтра спрашивать снова не станет. Пусть сначала перестанет смотреть на него, как на человека, от которого надо бежать, а когда сможет, скажет сама. Виктор закрыл глаза и впервые за семь лет стал думать о том, что ему сделать утром, чтобы прожить ещё один день.

Глава 2

Виктор проснулся, ещё не открыв глаз, и сначала почувствовал доски под бедром, затёкшее плечо и тепло камня за спиной. Потом вернулась память, без всякой последовательности, сразу целиком: лес, болезнь, дом на холме. К обычному прибавилось то, чего вчера утром ещё не было. На его топчане спал ребёнок, и теперь вставать следовало тихо.

Он открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок, где свет от углей едва доходил до балки. За ставней стояла предутренняя тьма, река шумела ровно, а часы на стене показывали одно и то же время уже семь лет. В тот день, когда пришёл Сигнал, остановилось всё, что зависело от электричества, в том числе эти дешёвые часы с пластмассовой рамкой.

Топчан стоял у дальней стены. Девочка лежала на боку, подтянув колени, и край одеяла прикрывал рот, так что в слабом свете был виден только нос. Его куртка, оставленная возле постели, упала на пол, а свёрнутая рубаша всё ещё была у неё под головой. Она дышала ровно, и Виктор послушал это дыхание, прежде чем опереться ладонью о доски и сесть.

В виске ныло, но боль оставалась далёкой. Он потёр лицо, осторожно повернул голову и подождал, не начнётся ли привычная дурнота. Такие передышки случались и раньше, и придавать им значение было глупо. Он поднялся, подобрал куртку и стал одеваться, обходя половицу, которая скрипела под левой ногой.

На полке стояли три жестянки, которые он держал отдельно от прочих запасов. В одной была соль, в другой сушёные яблоки, в третьей дроблёный овёс, выменянный понемногу за лето. Виктор отмерил горсть, налил в котелок воды и поставил его над углями. Потом открыл банку снова и добавил ещё столько же, всё ещё привыкая к тому, что теперь приготовленной еды должно хватить двоим.

Пока овёс размокал, он вышел за водой. Двор ещё скрывала темнота, но под ногами всё оставалось знакомым: камень возле ступеньки, корень сосны, низкая доска у загона. Он набрал два ведра, поставил под навес и вернулся к камину. Помешал кашу, подложил тонкие поленья и пристроил возле котелка чайник, чтобы вода согрелась раньше, чем проснётся девочка.

На верхней полке стоял маленький глиняный горшок. Мёда в нём осталось на доньшке, тёмного и засахарившегося, который приходилось отковыривать остриём ложки. Две недели назад Виктор отдал за него Мафусаилу три яйца и моток хорошей бечёвки.

У старой вышки, в дупле дуба, ещё жили пчёлы. Мафусаил брал у них понемногу, в редкие тёплые дни, а остальное оставлял, чтобы семья пережила холод. Виктор не понимал, где они находят достаточно цветов под этим небом. Но из горшка пахло травой и нагретым деревом, и запах на несколько мгновений возвращал то лето, которого больше не было.

Он соскрёб немного мёда, положил в кашу и размешал. Половину выложил в миску, накрыл старым листом фольги, разглаженным столько раз, что по стигам проступили дырочки, а свою долю оставил в котелке. Потом застегнул куртку и вышел нагревать воду, пока девочка ещё спала.

Под навесом была печь из камней и старого кирпича. Он сложил её в первые годы, а прошлой осенью заново промазал глиной потрескавшиеся швы, откуда пошёл дым. Виктор вычистил золу, проверил тягу и принёс несколько поленьев из-под сухой части навеса.

Он расколол их на колоде, стараясь ставить удары ровно. Сухое дерево трескалось с коротким звоном, и после каждого удара он невольно поглядывал на дом. Ещё вчера шум собственного топора ничего ему не говорил, а сейчас хотелось знать, не разбудил ли он того, кто спит внутри. Он отложил щепки, разжёл печь и поставил на плиту оба ведра.

За третьим сходил к ручью ещё раз. Холодную воду оставил в стороне, чтобы потом разбавить горячую, и прикрыл ведро доской от хвои. Виктор вытер руки о штаны и пошёл проверить кашу, которую уже не нужно было проверять.

Девочка сидела за столом. Фольга лежала рядом с миской, в правой руке была ложка, и она ела маленькими порциями, замирая после каждого глотка. При звуке двери ложка ударилась о доски. Девочка опустила руки на колени, сжала плечи и перестала смотреть на еду, словно Виктор застал её за тем, чего делать не разрешалось.

— Это тебе, — сказал он, остановившись у порога. — Я для тебя оставил, можно было брать. Ешь, пока не остыло совсем.

Она не подняла рук. Виктор прошёл к столу, сел напротив и взял котелок со своей кашей, хотя голод ещё не чувствовался. Съел ложку, потом вторую и не стал смотреть, как она сидит. Через некоторое время край её ложки снова коснулся миски, осторожно, почти без звука.

— Как язык? — спросил он. Она подняла глаза и немного приоткрыла рот, но показывать рану не стала. Виктор положил свою ложку, ожидая, что она попробует ответить.

Первый звук вышел глухим, как выдох сквозь сомкнутые зубы. За ним последовало ещё несколько, и девочка сморщилась от боли, но упрямо попыталась повторить. Виктор наклонился, стараясь услышать, и она отвернулась, будто рассердилась на собственный рот. Он ещё раз мысленно перебрал то, что услышал, и вдруг понял, что она говорит не о языке.

— Вайолет? — переспросил он. Девочка кивнула, и в её взгляде на мгновение появилось удивление. — Тебя Вайолет зовут?

Она кивнула снова, уже увереннее. Виктор произнёс имя про себя, потом вслух, и уголки его рта дрогнули, прежде чем он успел сдержаться. Улыбка получилась неловкой, и девочка стала смотреть внимательнее, пытаясь понять, над чем он смеётся.

— Красивое имя, — сказал он. — Больше пока не надо, не мучайся. Заживёт язык, тогда и поговорим.

Вайолет вернулась к каше. Он услышал, как она сглотнула, переждала и набрала следующую ложку. Виктор доел то, что было в котелке, и поднялся за чаем.

В жестянке хранилась смесь сушёных ягод и трав, которую Мафусаил приносил с собой и называл лесным чаем. Виктор залил щепотку кипятком, дал настояться и налил в единственный целый стакан. Настой получился тёмным, с красноватым краем у стекла, и пах брусничкой. Он подождал, пока стакан можно будет держать без боли, потом поставил его возле девочки.

— Попей, — сказал он, отодвигая миску, чтобы освободить место. — Только сначала попробуй, ещё тёплый. Если больно, здесь обычная вода есть.

Она посмотрела на него, потом обхватила стакан обеими руками. Пальцы были тонкими, с чёрными полосками под ногтями, а на запястье оставался след верёвки. Вайолет сделала маленький глоток и не поставила стакан, удерживая тепло в ладонях. Виктор заметил, что она больше не следит за дверью каждую секунду.

— После завтрака вымоешься, — сказал он. — Воду я нагрел, мыло тоже есть. Посиди пока, я всё приготавливаю.

Вайолет посмотрела на свои руки. Потом коснулась волос у виска и попыталась провести пальцами дальше, но они застряли в спутанной пряди. Она убрала руку, не меняя выражения лица.

Из ведёр уже шёл пар. Он вытащил из сарая деревянную бадью для стирки и поставил на настил возле стены, где не задувал ветер. Добавил к горячей воде холодную и проверил локтем, потом размешал рукой у самого дна, чтобы не осталось обжигающего слоя. Воду для ополаскивания разбавил отдельно и оставил в ведре возле бадьи.

Рядом поставил скамью, положил полотенце и запасной свитер. Полотенце было с дырками, но мягкое и чистое, а свитер ещё держал тепло, хотя растянулся на локтях. Для девочки он годился разве что вместо длинной рубахи.

Миска была пуста. Она выскребла её до последней крупинки и теперь понемногу отпивала чай, придерживая стакан обеими руками. Виктор посмотрел на миску и хотел было пошутить, но она уже подняла глаза, ожидая, что он скажет.

— Аппетит есть, это хорошо, — сказал он. — Пойдём, вода готова. Сапоги у двери надень, босиком холодно.

Он вышел первым и остановился на крыльце. Внутри поскребла табуретка, затем раздались тяжёлые, неровные шаги: Вайолет сунула ноги в его запасные сапоги. Она держала голениста руками, чтобы не потерять обувь, и двигалась в трёх шагах позади него.

Возле бадьи он показал воду и протянул неровный коричневый кусок мыла, тоже вымоченный у Мафусаила. Вайолет взяла его, не разжимая другой руки, которой держала сапог. У неё в волосах торчала сухая хвоинка, и Виктор машинально потянулся убрать. Так он когда-то вынимал репей из волос Дакоты, пока та морщилась и требовала сделать быстрее.

Вайолет дёрнулась всем телом. Мыло осталось в руке, но локоть поднялся, закрывая голову, а лицо сразу стало тем, которое он видел на тропе. Виктор остановил руку в воздухе и медленно отвлёк её. Она стояла, не двигаясь, и ждала, станет ли он продолжать.

— Сама, — сказал он, подняв ладони. — Хорошо, я не трогаю. Буду за углом, если нужно, позови.

Он отошёл за край навеса и сел на пень, спиной к стене. Виктор положил руки на колени и заставил себя не оглядываться. За стеной зашуршала ткань, потом по доскам стукнул один сапог и следом другой.

Некоторое время ничего не было слышно. Потом вода плеснула о борт, и Виктор немного опустил плечи, хотя до этого не замечал, как держит их. Он слушал, как девочка моется, как временами втягивает носом воздух, и пытался понять, плачет она или просто замёрзла.

Вода постепенно остывала. Он остался на месте, следя за лесом, и услышал, как что-то упало в бадью. После этого девочка долго возилась и сердито сопела, а вода плескалась уже иначе, коротко и беспорядочно.

— Помочь можно? — спросил Виктор, не поворачивая головы. Он подождал и уже решил, что она не ответит, когда за стеной раздалось тихое «угу». Тогда поднялся и обошёл угол, стараясь не двигаться быстрее, чем она могла за ним уследить.

Вайолет сидела, склонив голову, и в спутанных волосах белела пена. Виктор взял ковш, проверил воду из отдельного ведра и стал рядом так, чтобы она видела его руку. Девочка смотрела на ковш снизу вверх, прижимая пальцы к краю бадьи.

— Глаза закрой, — сказал он. — Я только воду полью, голову не тяни назад. Если попадёт в лицо, остановлюсь.

Он лил медленно, тонкой струёй. С волос стекала серая вода, а девочка сидела неподвижно, напряжённо удерживая плечи. Виктор зачерпнул ещё и осторожно придерживал пряди, чтобы они не закрывали рот. Когда в последний раз коснулся затылка, она вздрогнула, но от него уже не отшатнулась.

Колтуны он оставил. Он поставил ковш на доски, подвинул скамью и показал полотенце. Потом указал на сложенный рядом свитер, стараясь не смотреть на её худые плечи.

— Вот, вытрись, — сказал он. — Свитер пока мой, до колен тебе будет. Потом что-нибудь найду, по размеру.

Она кивнула, и Виктор снова ушёл за угол. Подождал, пока зашуршит полотенце, затем поднял с края настила брошенную одежду, не заходя туда, где сидела девочка. То, что прежде было штанами и футболкой, теперь держалось на нескольких крепких швах и пахло старой кровью. Он унёс тряпки в сарай и оставил отдельно возле порога, потому что надевать их на ребёнка снова не собирался.

В доме он сел на табуретку и посмотрел на камин. За стеной навеса раздавались тихие порохи, и приходилось ждать, не позовёт ли она опять. Мысль о зиме пришла раньше мысли о сегодняшнем обеде и сразу осталась с ним.

Холод усиливался каждую неделю. Виктор не знал, сколько времени осталось до первых заморозков: месяц, несколько недель, может быть, ещё меньше. Прошлой зимой он готовился заранее и всё равно едва дотянул, когда силки опустели, а картошка в сарае подмёрзла. Тогда Мафусаил поделился грибами и корнями, и Виктор помнил, насколько легко взрослый человек становится слабым, если неделями ест меньше, чем тратит на работу.

Теперь у него была девочка, которой нельзя было выдать половину лепёшки и велеть потерпеть. Ей требовались штаны, куртка, носки, обувь, несколько смен белья. Вайолет была уже слишком худой, и дальше испытать её выносливость означало просто отложить беду на первый настоящий мороз.

Кроличьих шкурок хватило бы на рукавицы. Из оленьей шкуры, если удастся добыть оленя, он сумел бы сделать грубый мешок или подстилку, но не детскую куртку и не хорошую обувь. Он посмотрел на нож, висевший возле двери, и подумал о своих руках, которыми столько всего умел делать. Этого умения опять оказалось недостаточно для самой обычной вещи.

Оставался город. Он лежал за лесом и полями, достаточно близко, чтобы с холма видеть дым, и достаточно далеко, чтобы семь лет обходиться без возвращения. После ухода Виктор иногда слышал оттуда выстрелы и взрывы, потом слышал всё реже. Он привык не спрашивать, что там происходит, и до вчерашнего дня эта привычка помогала жить.

Виктор подошёл к окну. Боль в виске ещё оставалась терпимой, и он знал, что передышку надо использовать, пока она не кончилась. В городе были дома, чердаки, дальние кладовые и комнаты, до которых могли не добраться те, кто искал только еду.

О собственном доме он пока не думал. Во всяком случае, старался, переводя внимание на магазины и чужие квартиры, на заваленные лестницы и дверцы шкафов. Память всё равно подставляла открытую дверь, которую он увидел в тот вечер, и дальше начиналось то, чему он не давал имени. Он упёрся ладонями в подоконник и заставил себя мысленно пройти дорогу до города, не сворачивая на свою улицу.

Скрипнула дверь. Вайолет стояла в проёме, в огромном сером свитере, с рукавами, закатанными несколько раз, и мокрыми волосами возле висков. Сапоги она оставила у порога, будто поняла, что дальше по доскам можно идти босиком.

— Садись у огня, — сказал Виктор. — Сейчас постелю, холод от пола идёт. Волосы здесь быстрее высохнут.

Он расстелил армейское одеяло, на котором спал ночью, и завернул край вместо подушки. С топчана принёс второе, положил рядом, чтобы она могла укрыться сама. Вайолет постояла возле камина и медленно опустилась на подстилку. Вытянула ноги к теплу, и пальцы, до этого сжатые, понемногу разошлись.

Вчера возле огня лежали только его вещи, а теперь надо было смотреть под ноги, чтобы не наступить на край её одеяла. Он подошёл к окну и увидел, что в лесу уже можно различить склон. Утро шло, и то время, когда можно было выйти рано и вернуться до темноты, уходило без всякого предупреждения.

В городе могли остаться люди. Он не был там семь лет и не мог считать знакомую улицу безопасной только потому, что прежде по ней ходила его дочь. Виктор ещё раз осмотрел лес и стал прикидывать, что возьмёт с собой.

За спиной стало тихо. Вайолет лежала у камина, натянув одеяло до подбородка, а голова опустилась на завёрнутый край подстилки. Она снова заснула, хотя совсем недавно проснулась, и Виктор не стал будить её сразу. Он достал рюкзак и поставил на стол, расстегнув все карманы, чтобы проверить, не осталось ли внутри чего-нибудь ненужного.

Рюкзак был старый, с потёртыми лямками, но швы ещё держались. Он положил флягу с водой, тяжёлую кислую лепёшку из остатков муки и молотого зерна, короткий моток верёвки. В отдельный карман убрал свечной фонарь, огниво и трут в сухой коробочке. Чем меньше он нёс сейчас, тем больше мог унести обратно, поэтому остальное оставил дома.

Нож закрепил на поясе. Проверил винтовку, пересчитал патроны в магазине и положил ещё пять в нагрудный карман, где их можно было достать одной рукой. На столе оставил воду и мягкую кашу, чтобы Вайолет не пришлось тянуться к огню. Потом подошёл к ней и увидел, что она уже открыла глаза и следит за ним, удерживая одеяло у груди.

— За одеждой схожу, — сказал он, присев рядом. — Если быстро найду, к полудню вернусь. Ты здесь оставайся.

Вайолет шевельнула губами. Виктор подождал, но она только поморщилась и опустила глаза, не сумев сказать то, что хотела. Он показал на дверь и постарался объяснить самое необходимое.

— Когда выйду, закрой засов, — сказал он. — Услышишь банки или чужие шаги, сразу на чердак, там за досками место есть. Мне откроешь, когда позову тебя по имени.

Она посмотрела на узкую лестницу у стены. Виктор поднялся на несколько ступеней, сдвинул крышку люка и показал, куда надо залезть и как закрыться изнутри. Потом спустился и дождался, пока она повторит всё сама. Вайолет долго возилась с крышкой, но смогла опустить её, и он заставил себя не помогать, потому что позже помочь будет некому.

Когда она спустилась, он показал ей засов. Тяжёлый брус двигался туго, и девочка взялась обеими руками, подняла его немного и только после этого сдвинула в скобах. Она встала возле двери и посмотрела на рюкзак, который он закинул на плечо.

— Дом с тропы не видно, — добавил он. — Сиди тихо, к окну не подходи. Я дорогу знаю, постараюсь не задерживаться.

Он помедлил у порога, пытаясь найти ещё какие-нибудь слова. Обещать, что всё будет хорошо, было легко, если не думать о том, сколько людей уже произносило такое перед уходом. Виктор не сказал этого, только ещё раз показал на лестницу и вышел. За спиной закрылась дверь, потом по дереву прошёл тяжёлый скребущий звук засова.

Он остался на крыльце и прислушался. На подступе висели три банки, связанные бечёвкой, и другого предупреждения у Вайолет не было. Звон не мог остановить человека, а винтовку Виктор уносил с собой.

Мясник вряд ли вернулся бы так скоро. Виктор не считал это гарантией, просто ничего надёжнее сейчас не было. Он обошёл двор, осмотрел тропу, проверил, не появились ли свежие следы под деревьями. Потом поправил ремень винтовки и пошёл вниз, заставляя себя не оглядываться после каждого шага.

Тропа тянулась вдоль каньона и постепенно спускалась к реке. Он двигался быстро, но не бежал, чтобы слышать лес и не тратить силы раньше времени. Дальше своих силков он давно не ходил в эту сторону и не знал, кто теперь мог жить возле дороги.

За ельником открылся голый склон. Внизу белела река, дальше ущелье расширялось, и под порогом лежал тёмный плёс, достаточно мелкий, чтобы видеть камни на дне. Виктор начал спускаться по уступам и вдруг остановился. В воде что-то двигалось, удерживаясь против течения там, где камням двигаться было невозможно.

Он присел, опираясь ладонью о скалу. Тёмная спина прошла над дном, потом ещё одна, и под перекатом сверкнул бок. Рыба поднималась к верховьям на нерест, сбиваясь в тесную полосу вдоль берега. Крупная, полная, совсем не похожая на тощих кроликов, которых он вынул вчера из силков.

Виктор стал считать и сбился раньше, чем дошёл до тридцати. За одной рыбой шла другая, а ниже, на границе плёса, появлялись новые тени. Теперь еда проходила возле самого берега, и он уже видел, куда поставить решётку и как перегородить узкую протоку.

Можно было часть съесть, часть закоптить. Под навесом лежала старая решётка, внизу росла ольха, а соль ещё оставалась, если расходовать её осторожно. Он подумал, сколько рыбы надо оставить на зиму, чтобы хватило девочке, и заставил себя подняться. Сейчас требовалась одежда, а останься он здесь, Вайолет пришлось бы ждать до ночи.

Заготовки складывались в голове одна за другой. Проверить дальние силки, поискать следы оленя, спросить Мафусаила про грибные места в сырых низинах. Досушить лук, перебрать картошку, утеплить сарай до заморозков, собрать бруснику и рябину, если на кустах хоть что-нибудь осталось. Яблони возле старой дороги тоже стоило проверить, хотя прошлогодние плоды осыпались мелкими и кислыми.

Он и раньше думал о зиме. Теперь к привычному подсчёту добавились тёплая постель, щель у топчана и то, сколько еды нужно ребёнку, который ещё должен расти. Боль не ушла, просто некоторое время Виктор перестал прислушиваться к ней, потому что в голове не оставалось свободного места.

Река отвернула в сторону, тропа поднялась через редколесье. Под ботинками захрустел гравий, и между последними стволами появилась дорога. Виктор остановился в тени и посмотрел в обе стороны.

На шоссе едва проступала выцветшая разметка. В трещинах асфальта росли низкие берёзки и клёны, а по обочинам тянулась жёсткая серая трава. Там, где вода подмыла основание, дорога просела, и в ямах лежали тёмные неподвижные лужи.

Брошенные машины он узнавал по расположению. Когда уходил, у многих ещё была целая краска, а через открытые двери виднелись сиденья и вещи, которые люди не захотели нести. Теперь кузова проржавели, стёкла были выбиты, шины расплющились, в одну машину упала берёза.

Он проходил мимо, быстро осматривая каждый салон. Бардачки вырвали, багажники раскрыли, сиденья унесли, а из всего, что можно было снять без тяжёлого инструмента, почти ничего не осталось. Им тоже нужны были одежда, топливо и металл, и семь лет оказалось достаточно, чтобы выбрать даже то, что раньше считалось мусором.

В остове жёлтого городского автобуса лежали обрывки газеты. Крыша просела, проход между выломанными сиденьями был пуст, а возле задних колёс скопились куски пластика. За автобусом дорога уходила к перекрёстку, где прежде находилась заправка.

Маленькое кирпичное здание ещё стояло, навес над колонками ещё держался. Отсюда одна дорога вела в город, другая к промышленным кварталам. Виктор обошёл край навеса, заглянул за колонку и только потом толкнул дверь.

Внутри были голые стеллажи и вскрытая касса. Сигаретная полка пустовала, на полу лежали несколько жестянок с выцветшими этикетками, и на всём стоял толстый слой пыли. Виктор посмотрел за прилавком, проверил угол возле подсобки и вернулся к выходу.

За перекрёстком начинались частные дома. Заборы лежали на земле, калитки были сорваны, сквозь разбитые окна просматривались тёмные комнаты. Некоторые крыши просели, но стены ещё стояли, и в глубине домов могли сохраниться вещи. До его улицы оставалось несколько кварталов, однако Виктор выбрал ближайший чужой двор.

Первый дом был кирпичный, с мезонином. Он послушал у ограды, обошёл фасад и увидел, что дверь забита досками, а боковое окно разбито. Перебрался через подоконник, придерживая винтовку, и остановился, пока пыль оседала вокруг ботинок.

Возле окон света хватало, в коридоре уже нельзя было различить пол. Виктор достал фонарь, зажёл свечной огарок и закрыл огонь стеклом. Понёс его низко, прикрывая ладонью со стороны улицы, чтобы движущийся свет не был виден в окнах.

На кухне шкафы стояли открытыми. Возле холодильника темнело пятно, оставшееся от того, что прежде лежало внутри, и на полу валялись перевёрнутые кастрюли. Он обошёл их, стараясь не задеть металла ботинком.

В спальне нашлось несколько мужских маек. Одну разорвали от ворота до подола, остальные заплесневели там, где касались стены. Виктор проверил нижнюю полку и пространство за шкафом, потом оставил вещи на месте.

Он погасил свечу и перешёл дорогу. Второй дом был деревянный, с рухнувшей верандой, но задняя дверь оставалась свободной. Виктор прошёл через неё, проверил кухню и нашёл маленькую комнату с обоями в мячик. В ней стояли пустой шкаф и матрас без белья, а возле стены лежал детский рисунок с загнутыми краями.

На листе были дом, мама, папа и жёлтое солнце с длинными лучами. Виктор поднял рисунок за угол и некоторое время смотрел на солнце, которое ребёнок нарисовал так уверенно. Потом положил обратно, расправив загнутый край ладонью.

Ещё три дома не дали одежды. В одном была пустая банка зелёного горошка, в другом мужские ботинки сорок шестого размера с прогнившими подошвами. В третьем он нашёл «Кота в сапогах», детскую книгу с картинками, у которой отсырел нижний край обложки. Полистал, проверил, не слиплись ли страницы, и убрал в рюкзак, прежде чем решить, зачем это делает.

За следующей оградой начинался знакомый перекрёсток. В конце улицы, слева, стоял его дом, двухэтажный, кирпичный, с гаражом, над которым провалился край крыши. Виктор узнал его раньше, чем разглядел окна и перекошенную дверь. Одна из яблонь лежала поперёк дорожки, вывернув корни вместе с комом земли, остальные стояли сухими.

Можно было повернуть назад, обыскать ещё десять домов и, ничего не найдя, сказать себе, что сделал всё возможное. Только девочка сидела бы зимой в его свитере, а в этом доме когда-то хранили детские вещи. Виктор поправил ремень винтовки и заставил себя сделать первый шаг к улице, которую все эти годы обходил даже в мыслях.

Каждый участок дороги был знаком. У Петровых прежде жила овчарка, и он невольно посмотрел туда, где она обычно лежала возле ворот. Возле соседней ограды Мэри высаживала помидоры, а кот раскапывал грядки, сколько ни закрывай лаз. Забор почти исчез, и Виктор всё равно посмотрел на место, где когда-то забивал доску, выслушивая жену из-за спины.

Под берёзой он устроил дочери песочницу. Сейчас там лежали листья, слой за слоем, и бортики давно ушли под землю. Виктор отвёл взгляд и проверил окна соседнего дома, потому что воспоминание не могло заменить осмотр улицы.

У калитки он увидел красный череп. Тот проступал на стене справа от входа, выцветший, с осыпавшейся краской, но два круглых глаза и грубые зубы ещё можно было различить с дороги. Виктор стянул винтовку с плеча и присел за оградой раньше, чем успел узнать рисунок.

Так краснолицые отмечали дома, в которые заходили. Самых краснолицых больше не было, он позаботился об этом, а череп остался на стене. Дождь и снег семь лет смывали краску, но не смыли до конца.

Двор был пуст. В соседних окнах ничего не двигалось, по улице не шли люди, и звук реки здесь уже не доходил до него. Потом поднялся, толкнул калитку и переждал её долгий ржавый стон, прежде чем войти.

Винтовку держал перед собой, приклад возле плеча. Обошёл ствол упавшей яблони, переступил через ветку и поднялся на крыльцо. Дверь была приоткрыта, не настежь, как тогда, но достаточно, чтобы в щели виднелась прихожая. Виктор нажал стволом на край, дождался, пока створка остановится, и вошёл, проверив угол за косяком.

В прихожей пахло пылью и чем-то давно горевшим. Он прикрыл за собой дверь, зажёл свечу и увидел перевёрнутую обувную полку, пустую вешалку и светлый прямоугольник на стене. Там висела семейная фотография, а теперь рамка лежала на полу, без стекла. Сам снимок был под шкафом, лицом вниз, и Виктор отвёл фонарь, не пытаясь достать его сейчас.

Кухонные шкафы раскрыли, стол перевернули, стулья сломали. На стене оставалось тёмное пятно с высохшими потёками, и он не стал подносить к нему свет ближе. Он знал, что это, знал ещё с того дня, когда вернулся домой.

В гостиной разрезали диван и вытащили набивку. Телевизор лежал экраном вверх, разбитый, словно кто-то надеялся найти полезное внутри даже после того, как он навсегда погас. Книжный шкаф выворотили, книги растоптали и смешали с обломками дерева.

Он вернулся в коридор и пошёл наверх. В спальне вспороли матрас, шкаф был пуст, а по зеркалу разбежались трещины. Его лицо разделилось между осколками, и он отвёл фонарь, не желая смотреть, что именно осталось узнаваемым.

У маленькой кровати выломали бортик, полки опустели, а на полу лежали полосы сорванных обоев. Среди них виднелся плюшевый заяц с одной лапой. Виктор узнал его сразу и присел, опустив винтовку так, чтобы ствол не упёрся в пол.

Дакота называла его Зай. Клала под подушку, вытаскивала перед сном и держала за мягкую лапу, которой теперь не было. Потом расстегнул рюкзак и убрал игрушку внутрь, не выбирая место и не думая, нужно ли объяснение такому поступку.

В коридоре он постоял, держа фонарь неподвижно. Вещей не осталось, и каждый открытый шкаф повторял то, что он уже увидел в чужих домах. Сюда могли приходить много раз, искать, ломать, уносить то, что первые грабители не сочли нужным взять. Он начал спускаться и у нижней ступени вспомнил про подвал.

Там до Сигнала стояли стеллажи и ящики с инструментами. Когда они переехали, он укрепил полки, а Мэри притащила с блошиного рынка два старых сундука, которые сначала хотела поставить в прихожей. Места не хватило, и сундуки спустили вниз.

В одном хранили зимнюю одежду и обувь. В другом были детские вещи, маленькие, уже ненужные, и большие, полученные от знакомых или купленные заранее. Мэри называла их вещами на вырост и не позволяла отдавать, пока не разберётся со всем сама. Второй сундук задвинули под дальний стеллаж, а Дакота села на крышку, мешая закрыть, и Виктору пришлось сначала поднять её на руки.

Дверь в подвал выбили вместе с частью косяка. Он отодвинул доски ногой, поставил фонарь на верхнюю ступень и послушал, не донесётся ли снизу движение. Из темноты тянуло холодной землёй, но больше ничего не было.

Бетонные ступени уцелели. Внизу лежал обломок полки, а за ним открывался маленький подвал, три на четыре метра, с бетонными стенами и земляным полом. Стеллаж завалился набок, на земле валялись банки из-под краски, доски и ящик без дна.

Первый сундук стоял у стены, открытый и пустой. Второго не было видно, пока Виктор не поднял фонарь и не заметил под стеллажом медный угол, тёмный от сырости. Он оттащил доску, потом ещё одну и увидел крышку. Сундук стоял на кирпичках, в стороне от мокрого пятна, а навесной замок ещё висел на креплении.

Он расчистил перед ним место и поставил фонарь на уцелевшую полку. Дуб под пылью оказался холодным, но крепким, и вода, похоже, не добралась до дна. Сундук могли не заметить под обломками или заметить и оставить, не сумев быстро открыть.

Ключ давно потерялся. Мысль выстрелить в замок пришла привычно и так же быстро ушла, потому что тесный подвал и незнакомый теперь город не подходили для такого шума. Он поставил винтовку рядом, в пределах руки, и оглядел остатки мастерской. Между досками нашёл короткий гвоздодёр, ржавый на рукояти, но с целым рабочим концом.

Виктор присел перед сундуком и подвёл железо под крепление. Петля держалась, а дерево вокруг старых шурупов начало подаваться, когда он перенёс вес на рукоять. После каждого хруста он останавливался и слушал дом.

Наконец петля отошла. Он подхватил её вместе с замком, прежде чем железо ударилось о пол, и положил рядом с гвоздодёром. Ничего не изменилось, только пыль медленно оседала в свете свечи.

Он провёл ладонью по крышке, оставив тёмную полосу. Крышка присохла, и Виктору пришлось потянуть сильнее, поддев край пальцами. Петли заскрипели, а он удержал тяжёлую доску, чтобы она не ударилась о стену.

Внутри лежали вещи. Их было столько, что первые секунды он видел только сложенную ткань, не различая, что именно нашёл. Потом узнал розовую куртку и коротко засмеялся, сдавленным хриплым звуком, которого сам от себя не ожидал. Сразу замолчал, прижал ладонь ко рту и послушал, не отозвался ли кто-нибудь наверху.

Он поставил его на пол, сел устойчивее и только тогда потянулся к куртке. Маленькая, с меховым воротником, она была куплена Дакоте ещё до Сигнала и тогда оказалась слишком большой. Мэри убрала её до холодов, сказав, что дочь подрастёт, и теперь воротник лежал перед Виктором таким же, каким он помнил его в магазине.

Под курткой был белый свитер с оленями. Дальше тёплые штаны на флисе, серое термобельё в нераспечатанной упаковке и шерстяные носки, связанные Мэри. Он коснулся узора из косичек, заметил короткий конец нитки в одной петле и задержал пальцы.

Под зимним лежала одежда на осень. Лёгкая куртка с капюшоном, дождевик, синие и чёрные джинсы, футболки с единорогом, котом и радугой. Виктор проверял размеры, прикидывая длину рукава по ладони, и складывал найденное на сухую крышку ящика.

Ниже оказались летние вещи. Ситцевое платье в горошек, сандалии, босоножки и панاما с широкими полями, которую Мэри надевала дочери перед поездкой за город. Платье было слишком маленьким, и Виктор всё равно расправил его, убрав с подола крошку дерева.

На дне лежала обувь, завернутая в ткань. Зимние ботинки с мехом, резиновые сапожки с подкладкой, розовые кроссовки и тапочки в виде зайцев. Виктор согнул подошву ботинка, потянул за край и проверил, не отходит ли клей. Резина на сапоге растрескалась у сгиба, но ботинки и кроссовки держались, и он поставил их возле выбранной одежды.

Потом сел на низкий ящик и взял розовую куртку. Поднёс к лицу, вдохнул запах нафталина, старой ткани и слабой подвальной сырости. Под этим на мгновение почудилось что-то знакомое, настолько стёртое, что он не смог бы назвать. Он прижал ткань к лицу и закрыл глаза, удерживая локти возле колен.

В горле стало тесно. Он дышал через нос, медленно, потому что иначе дыхание сбивалось, и куртка оставалась холодной возле щеки. Наверху молчал дом, в котором никто не ждал, пока он закончит сидеть.

Виктор опустил куртку. Поставил перед собой рюкзак, вынул флягу и лепёшку, расправил дно и проверил шов возле лямки. Книгу и зайца завернул в рубашку и уложил вдоль спинки, чтобы не помять страниц и не вытянуть последнюю игрушечную лапу. Потом стал складывать одежду, начиная с того, без чего девочке не пережить холод.

Свитер, штаны и бельё легли вниз. Футболки он свернул туго и втиснул по бокам, носки сложил отдельно, чтобы потом набить ими обувь. Каждую новую вещь на секунду задерживал в руках, будто проверял размер ещё раз.

Ботинки он набил носками и уложил рядом с одеждой. Выше поместил кроссовки, дождевик и лёгкую куртку, прижимая всё ладонями, чтобы внутри не оставалось пустоты. Маленькое платье и потрескавшиеся сапожки уже не входили, да и пользы от них было бы немного. Он оставил их в сундуке, затем поднял розовую куртку, которую держал до последнего.

Она заняла почти всё, что ещё оставалось. Виктор сложил рукава, выпустил воздух нажимом ладоней и с усилием стянул клапан, чувствуя, как натягиваются швы. Флягу закрепил снаружи, лепёшку убрал в карман, а ремни подтянул до предела, который ещё выдерживала

старая ткань. Некоторое время стоял на коленях перед сундуком, потом опустил крышку на оставшиеся вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.